

познанной и правящей жизнью истины, то для него и кровь и кошмары—легко устранимое недоразумѣіе, которое долженъ понять человѣкъ. Долженъ, ибо въ немъ заложено понужденіе къ этому пониманію, въ немъ съ могучей силой дѣйствуетъ императивъ къ истинѣ.—Будь только вѣренъ своей душѣ. Она приведетъ тебя къ Богу.

Тогда-то въ успокоенной и утвержденной душѣ создается молитва, въ родѣ той, что напсалъ для себя Толстой:

«Вѣрю, что мнѣ поручены и дѣло Твое и сила Твоя. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы проявить Тебя въ себѣ и въ мірѣ».

Но Толстой отклонился отъ дѣтскаго идеала. То захватываемый въ юности могучими чувственными влеченіями, то возвращающійся, съ тоской «паденій» и бурнымъ протестомъ противъ нихъ, къ себѣ, въ мірокъ своего сознанія, своихъ внутреннихъ дѣлъ и задачъ, онъ рѣшается въ концѣ-концовъ начать борьбу съ міромъ, но частичную, маленькую, скромную, путемъ труда, путемъ улучшенія жизни соприкасающихся съ нимъ людей. Онъ хочетъ рѣшить свою душевную задачу дѣйствованіемъ, работой рукъ, помощью внѣшней. И очень скоро возвращается отсюда разбитый на голову своей же внутренней неудовлетворенностью, пустотой и тоской. Но